

Любовница

Тюфанина в последнее время начали одолевать грустные мысли. Настолько грустные, что он стал задумываться о смысле жизни. В один прекрасный полдник, он, как обычно, стоял со стаканом чая и глядел в окно. По улице шли девушки, совершенно разномастные: тонкие и толстые, низкие и в декольте, высокие и на каблуках, блондинки и с пирсингом. Эту картину он видел ежедневно, но только сегодня его осенили три горьких мысли: в колледже на углу закончились занятия, старость приближается и любовницы у него никогда не было.

Тюфанин поставил недопитый стакан и отпросился с работы по состоянию здоровья. По пути зашел в буфет, за пирожками с картошкой, которые иногда помогали преодолеть. За кассой стояла Зина-буфетчица, за столом сидела Маша из отдела профилирования. Пирожки закончились, чтобы не взвять Тюфанин подсел к Маше.

На его лице было написано столько, что девушка отложила бутерброд, дабы не сбиться. “Вам плохо?”, - спросила Маша. “Да”, - ответил Тюфанин и встал, чтобы уйти, но не ушел, а снова сел. Дело в том, что из-за узости брюк вставал он медленно, а в кризисных ситуациях думал быстро. За полминуты он составил в уме сложную формулу, где в числителе был Машин возраст, подслушанное как-то в разговоре отсутствие жениха, а в знаменателе два этажа между их отделами и народная мудрость “попытка не пытка”.

Следующие десять минут Тюфанин мешал Машин салат со слезами и правду с выдумкой. Вместо салата Маша получила образ глубоко одинокого человека, проводящего выходные на даче, где он сажает на износ кабачки с клубникой и тоскует по простому человеческому участию с нежностью. Во второй половине монолога Тюфанин прошелся по удивительным окрестностям дачного поселка, где Маше непременно понравилось бы. Дослушав описание живописной излучины реки Кундрючей, девушка встала и, извинившись, ушла.

Две недели Тюфанин шаландался по коридорам учреждения в надежде наткнуться на Машу, но наткнулся только на супервайзеров и курьеров. В столовой девушка тоже не появлялась, а, попавшись однажды на проходной, огорошила Тюфанина таким громким “здрасьте”, что тот растерялся.

Тогда Тюфанин поставил на себе крест, тем более что жена объявила о желании пышно отметить свою серебряную свадьбу. Она пригласила кучу гостей, на вершине которой стояла Тюфанинская теща, а у подножья ее толстые подружки с лысыми мужьями. Впервые за несколько лет она приехала с Тюфаниным на дачу, где накрыла огромный стол, привезенными мамой соленьями.

В последний момент серебряная невеста вспомнила, что “Любын Боря” мешает водку с фантой и, пока Тюфанин жарил шашлык, рванула в дачный киоск за газировкой. Как назло, гости свалились на голову аккурат в период ее короткого отсутствия. Тюфанин натужно проявлял свое умеренное остроумие, с надеждой поглядывая на калитку. Наконец, она открылась. Проем заполнила новобрачная, но вместо того, чтобы броситься в объятия прибывших, обратилась к супругу.

“Тут какой-то дачник девушек из города выписал на выходные, с лопатами. Не знаешь, кто бы это мог быть?”.

Тюфанин отрицательно помотал головой.

“Девушки, а вы зайдите, может кого узнаете”, - предложила Тюфанина.

Из-за ее спины показалась Маша и еще одна в таких же укороченных шортиках и с рюкзаком.

“Так вот же он!”, - радостно улыбнулась Маша, указывая на Тюфанина, по такому случаю взявшего из мангала пару углей вместо одного шампура. “Это моя подруга Лиза. Если вы заняты, покажите нам ваш участок, мы пока копать начнем”.

“Так вот его участок перед вами”, - простерла Тюфанина руку с обручальным кольцом.

“Ааа...”, - сказала Маша, определенно поймавшая мысль. “Так это у вас гости?”.

Эти самые гости стояли озадаченные развитием событий. Женщина с тремя бутылками фанты в руке между тем не унималась.

“И что с того? Гости вам мешать не будут, копайте себе на здоровье. А потом хозяин вас уложит, вы же на все выходные приехали”.

Отчего-то все посмотрели на Тюфанина, хотя до укладывания было еще далеко. Тот с мольбой взглянул на мужа Шороховой, который, как ему

казалось, иногда проявлял сострадание.

“А может пива, девчонки?”, - выпалил Шорохов и увернулся от прошедшего по касательной взгляда своей супруги.

Неизвестно куда бы зашла подобная обстановка, если бы Тюфанин, наконец, не заметил, что держит в руках медленно остывающие угли. Он издал тюлений рев, подпрыгнул, перевернул мангал на вечернее платье Любы, у которой Боря мешает, и девушки растворились в возникшем апофеозе.

После традиционных в таком случае медицинских процедур юбилей перешел в стадию закусывания. Впрочем, тостам за семейное долголетие, по понятным причинам, не хватало искренности. В связи с этим, а также повторявшимся каждые десять минут произвольным рыданиям тещи, возникала некоторая неловкость. В результате гости разошлись даже раньше, чем закончилось спиртное.

В понедельник Тюфанин вновь сидел у офисного окна и опять смотрел на проходивших мимо студенток. На этот раз он не грустил, а улыбался. “А ведь было, у меня все-таки было”, думал он, почесывая перебинтованной рукой заклеенный глаз.

А был ли карлик

Посмотрел я в зеркало и увидел маленького человека. Человек стоял где-то внизу как будто ввинченный в пол. Так выглядят люди в дверном глазке.

Я еще раз обвел глазами каморку. Полати с матрасом, примус, табурет со стопкой книг и два деревянных ящика с кипой тетрадок. Никакого человека в каморке не было.

Я залез сюда по долгу службы, во время очередного обхода вверенного мне объекта, а именно трибуны ипподрома. За кладовкой, набитой хламом, оказался лаз в этот чулан.

Я еще раз заглянул в зеркало, и не увидел ничего кроме крошечного окна. Видение карлика исчезло. По спине пробежали мурашки, я грохнулся на колени и выполз наружу.

Вскоре, ипподромные алкаши Колян и Петян, притащили в мою сторожку печку-буржуйку. Они сказали, что несут ее для “маленького человека, который живет на чердаке”. Во всяком случае так я перевел с их языка фразу, в которой даже предлоги были нецензурными.

Через две недели я устроил на объекте безобразную студенческую пьянку. Когда все было выпито, я кое-как вытолкал шумных однокурсников за ворота, оставив лишь одну, видимо для повторения

домашнего задания. Диван был застелен самыми чистыми телогрейками из имевшихся в наличии. Однокурсница выглядела настолько готовой к взятию интегралов по замкнутому контуру, что меня даже слегка пробирала оторопь. В это время раздался скрежет в дверь. На пороге стоял карлик. Он смотрел на горящий надо мной фонарь, говорил, что у него холодно и просился пустить его в кассовый зал. Я провел его мимо испуганной однокурсницы, натянувшей фуфайку на подбородок. На втором этаже я показал ему старый топчан. Он поблагодарил, назвался Яковом и вытащил из-за пазухи тетрадь. Из вежливости, я поинтересовался что он пишет. Яков стал бормотать о чем-то связанном с Египтом, в эпоху Древнего царства. Неожиданно для себя я сел и стал слушать.

Яков говорил о Междуречьи, Саргоне, эламитах, Хараппе и открытом им тайном шрифте. Затем он ушел в космос и долго рассуждал о природе отрицательной энергии. Потом вернулся на Землю, но уже, кажется, в Китай и Японию.

Вроде бы к нам поднималась не совсем одетая студентка. Скорее всего ни один из нас не удостоил ее вниманием. Очнулся я утром, попрощался с мусолившим тетрадь гостем и спустился вниз. От однокурсницы остался шарф под диваном и раздражение в виде мигающей лампочки.

Якова я больше не встречал. Вскоре в кладовке начался ремонт и из его комнатухи вынесли весь хлам. Книг и тетрадей среди мусора не было. Несколько недель, если не месяцев, я пытался восстановить хоть что-то из того, что рассказал мне гном. Мучился ужасно и, наконец, прекратил свои попытки, поскольку понял, что он рассказал мне все, а все запомнить невозможно, даже по частям.

Издредка, когда в руки попадала книжка по истории Древнего мира или космологии, я вдруг угадывал, что будет в следующей главе и даже раскрывал загадку какой-нибудь протосинайской письменности до того, как это делал автор. Для меня это служило доказательством существования гнома Якова и той мистической ночи.

Зеркало тоже вынесли вместе с тряпками и картоном. Проходя мимо, я заглянул в него еще раз. Я боялся увидеть в нем карлика, но увидел кота. Большого, серого, бредущего по бесконечным, как вселенная, перилам, ограждающим скаковое поле.